

DOI 10.15826/izv2.2025.27.4.057
УДК 94(47) + 821.161.1-6

Н. В. Суржикова
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

«Я ПРИДУ К ТЕБЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ»: ПИСЬМА С ФРОНТА КАК ОПЫТ СОЗИДАНИЯ

В статье предпринята попытка интерпретации писем с фронта 1943–1945 гг., адресованных капитаном СМЕРШ Георгием Момотовым школьной учительнице Тамаре Габовой, которая в 1947 г. станет его женой. Показано, в чем эта переписка типична, а в чем отлична в сравнении с другими контекстуально, формально и содержательно близкими источниками. Автор подчеркивает, что, преодолев дистанцию от писем малознакомых людей до писем людей близких, послания Г. Момотова Т. Габовой, на первый взгляд, ничем не отличались от писем надежды, к которым в сюжетном плане относилась подавляющая часть личной переписки военного времени. В то же время письма Г. Момотова — это нечто большее, чем просто надежда. Это были письма созидания — созидания новой жизни, новой реальности, наполненной новыми людьми и новыми обстоятельствами. Вытесняя на периферию мотив сомнения, именно мотив созидания звучал в них все громче и увереннее, выделяя их из общего массива писем войны, традиционно возвращавших своих адресантов и адресатов в прошлое, к довоенной мирной жизни. Письма Г. Момотова, рассматриваемые в таком ключе, — это письма, приближавшие Победу и связанное с ней будущее не в фигуральном смысле, а в смысле вполне реальном. Как представляется, актуализация этого примера (стратегии?) индивидуального проживания войны в сумме с другими такими примерами будет способствовать приближению исследователей Великой Отечественной войны к пониманию коллективного военного опыта, опыта целого поколения и целой эпохи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Великая Отечественная война; эпистолярные источники; семейно-брачная эпистолография; письма с фронта; чувство обретения; надежда; созидание; типичное и уникальное

Ц и т и р о в а н и е: *Суржикова Н. В.* «Я приду к тебе победителем»: письма с фронта как опыт созидания // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 4. С. 47–60. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.4.057>

Поступила в редакцию: 23.09.2025
Принята к печати: 05.12.2025

Natalia V. Surzhikova

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russia***“I WILL COME TO YOU AS A VICTOR”:
FRONTLINE LETTERS AS AN EXPERIENCE OF CREATION**

This article attempts to interpret letters from the front dated 1943–1945, addressed by SMERSH captain Georgy Momotov to schoolteacher Tamara Gabova, who would subsequently become his wife in 1947. It demonstrates the correspondence’s typicality and its differentiation from analogous sources in terms of context, form, and content. The author emphasises that, having bridged the gap between letters exchanged by strangers and letters exchanged by close people, Momotov’s messages to Gabova, at first glance, were no different from the letters of hope that made up the vast majority of personal correspondence during the war. At the same time, G. Momotov’s letters offered more than mere hope. They were letters of creation – the creation of a new life, a new reality replete with new people and new circumstances. Pushing the motif of doubt to the periphery, it was the motif of creation that sounded louder and more confident in them, setting them apart from the general mass of wartime letters, which traditionally returned their senders and recipients to the past, to the pre-war era of peace. Regarded from this perspective, G. Momotov’s letters are letters that brought Victory and the future associated with it closer, not in a figurative sense but in a very tangible sense. It appears that together with other such examples, the actualisation of this example (strategy?) of individual experiences of war will help researchers of the Great Patriotic War to better understand the collective military experience of an entire generation and an entire era.

Key words: Great Patriotic War; epistolary sources; family and marriage correspondence; letters from the front; sense of belonging; hope; creation; typical and unique

For citation: Surzhikova, N. V. (2025). “Ja pridu k tebe pobeditelem”: pis’ma s fronta kak opyt sozidaniia [“I Will Come to You as a Victor”: Frontline Letters as an Experience of Creation]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(4), 47–60. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.4.057>

*Submitted: 23.09.2025**Accepted: 05.12.2025*

Очевидно, что письма с фронтов Великой Отечественной войны — источник не новый, о чем говорят не только их многочисленные разновременные публикации — военные [Письма с фронта, 1943; Письма с фронта: (Уроженцы Татарии...)], послевоенные советские [Говорят погибшие герои; Письма фронтовые; Письма фронтовые: Письма уроженцев Мордовии; Фронтовые письма Шуры Постольской] и постсоветские [«Вернусь только с Победой»; Дейчман; «Здравствуй, дорогая Панечка...»; «Письма любви»; Письма с фронта, 2020; Селивёрстова; Фронтовые письма, 1941–1945; Фронтовое письмо; Фронтовые

письма из калужских архивов; Фронтовые письма. 1941–1945 гг.: документы; Эдиплэрнең фронт хатлары], — но и их инвариантные интерпретации [Булыгина; Воронина; Жучков; Иванов; Козлов; Момотова; Пушкарев; Рождественская; Соломатин; Старостин; Сухотерина].

При этом несмотря на то, что подавляющая часть таких писем остается непрочитанной, их общность с любыми другими группами и подгруппами эпистолярных источников не вызывает сомнений. Ритуально воспроизводимые в любом частном письме этикетные зачины и финалы, поддерживающие его консервативную жанровую рамку; ситуационность создания того или иного эпистолярного послания и его стилистическая двойственность, обусловленная смешением устной и письменной речи; диалогичность, подразумевающая общее коммуникативное прошлое, настоящее и/или будущее корреспондентов; доверительность и эмоциональность в их общении, — всё это присуще письмам войны точно так же, как и эпистолярному жанру в целом. Вместе с тем, фиксируя типичные черты частной корреспонденции, письма войны составляют ее особый, специфический слой. Наиболее известной и, наверное, удачной попыткой интерпретации функций и смыслов не только писем с фронтов Великой Отечественной войны, но и феномена / института военной переписки на протяжении всего XX столетия стала вышедшая в 2016 г. книга «XX век: Письма войны» [XX век: Письма войны]. Вековая экспозиция военных писем, представленных в сборнике с точки зрения их вписанности в одно и то же поле социального и дискурсивного опыта, однако, не поставила, да и не могла поставить точку в изучении частной военной корреспонденции XX в. И даже если признать предложенную в книге схему тематизации писем войны рабочей, на самом деле они оказываются безусловно разнообразнее как с точки зрения контекстов их создания, так и с точки зрения их содержания. Это особенно важно применительно к письмам, созданным участниками Великой Отечественной войны — войны долгой и потому менявшей свой характер, с которым менялась и военная корреспонденция тех лет.

Именно это демонстрирует переписка капитана СМЕРШ Георгия Момотова со школьной учительницей Тamarой Габовой, которая в 1947 г., уже после войны, стала его женой. Эта переписка является частью Архивной коллекции документов ветеранов Великой Отечественной войны Государственного архива Пермского края, созданной в 1988 г. и пополняемой до сих пор [Архивная коллекция документов...]. Изданные Государственным архивом Пермского края к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 60 фронтовых писем капитана СМЕРШ Георгия Момотова стали одним из последних вливаний в коллекцию, наряду с другими документами семьи Момотовых / Габовых [«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!»].

Сборник датированных 1943–1945 гг. фронтовых писем Г. Момотова, чело- века с типично советской биографией, батрака до революции и комсомольского

вожака к началу войны, такой же типично советской учительнице Т. Габовой, на первый взгляд, может показаться заурядной публикацией источников эпистолярного свойства. Сам подход к публикации писем, расположенных в хронологическом порядке, снабженных комментариями и обрамленных другими биографическими документами Момотовых / Габовых, фотографиями, газетными вырезками, а также материалами, предоставленными Чердынским краеведческим музеем им. А. С. Пушкина, подчеркивает классический, традиционный характер издания. Но традиционность в данном случае при более внимательном чтении книги оказывается синонимична фундаментальности, а сама история появления публикуемых писем и динамика отношений корреспондентов едва ли позволяет аттестовать настоящую подборку эпистол как тривиальную. Рядом с ней, казалось бы, можно было поставить опубликованную в 2016 г. в Москве «Историю любви» В. П. Воробьева, но она при всей ее схожести с историей отношений Г. Момотова и Т. Габовой все-таки была иной: помимо формальных отличий, связанных с очевидной интертекстуальностью текста первой истории, иной ее делает то, что ее герои создали семью уже в годы войны [Воробьев, 2016; 2017].

Письма Г. Момотова 1943–1945 гг., бережно сшитые в верхнем левом углу нитками и только в январе – марте 2025 г. переданные в Государственный архив Пермского края Валентиной Радыгиной, дочерью Георгия Николаевича и Тамары Петровны Момотовых, очевидно, считались внутрисемейной реликвией, поскольку без них, без этих писем, никакой семьи Момотовых / Габовых не было бы. Переписки будущих мужа и жены – Георгия Момотова, оперуполномоченного и старшего оперуполномоченного контрразведки НКВД–НКГБ СССР в составе Воронежского, Юго-Западного, 3-го Украинского фронтов, и Тамары Габовой, школьной учительницы из Чердыни и затем директора Бажинской неполной средней школы Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа, – могло просто не случиться. В один из майских дней 1943 г. Георгий услышал, что «ребята смеются над какими-то мыслями Тамары из отдаленного города Чердынь» и не мог этим не заинтересоваться уже потому, что именно из Чердыни он, заведующий отделом пропаганды и агитации Чердынского районного комитета ВКП(б), ушел на фронт, именно в Чердыни, по улице Сталина в доме № 38 жили его мать и сестра, именно в Чердыни работал его младший брат. Тамара ответила Георгию, попросив вернуть открытку, посланную ею на имя «какого-то Новикова Виктора Сергеевича» (письмо 1, 20.05.1943) [«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!», с. 14], но почему-то попавшую в руки сослуживцев Г. Момотова. Георгий не просто вернул эту открытку, он сопроводил ее новым письмом, в котором подчеркнул: «Я действительно работал в РК ВКП(б) завотделом пропаганды и агитации. В Вашей школе бывал и, кажется, делал доклады на учительских конференциях. Вас знаю, и знаю неплохо...» И далее: «Если будет время и не возражаете, то пишите, буду отвечать» (письмо 2, 27.06.1943) [Там же, с. 15, 16]. Так случайная открытка, ставшая для Г. Момотова напоминанием о доме и довоенной мирной жизни, положила

начало «роману в письмах», которому экстраординарные условия войны скорее способствовали, нежели мешали.

Слова о любви, ее знаки в переписке Г. Момотова и Т. Габовой читатель, однако, найдет не сразу. Из представленной в книге подборки писем очевидно, что им была свойственна непростая динамика. Начавшаяся в мае 1943 г. переписка становится со временем не просто все более плотной, она, помимо того, переживает зримую эволюцию в пространстве между знакомством, симпатией, ухаживанием, надеждой на взаимность и ожиданием встречи. Однако границы внутри этого «романа в письмах» трудноразличимы и во многом условны как раз потому, что это был именно роман в письмах, а не обычный роман.

На первом условном этапе, этапе знакомства, письма Г. Момотова Т. Габовой официальные, о чем говорит само обращение автора к адресату: «Здравствуйте, тов. Габова, здравствуйте!» Кроме того, письма этого периода дидактичны и, возможно, рассчитаны на коллективное чтение. Капитан СМЕРШа позиционирует себя в них как старший товарищ, причем старший не просто в силу 10-летней разницы в возрасте с адресатом. Старшим относительно Т. Габовой его делало то, что он находился на фронте, а она — в тылу, и это, по его мнению, давало ему право на воспитательные сентенции: «Находясь в глубоком тылу, на трудовом фронте, Вы должны отдавать всю силу, энергию, смекалку и способности для того, чтобы как можно быстрее, качественнее и со всей советской гражданской ответственностью работать на всех участках нашего советского социалистического производства, чтобы ежечасно и повседневно оказывать самую эффективную помощь нашей героической Раб[оче]-Кр[естьянской] Кр[асной] Армии в скорейшем и окончательном разгроме и уничтожении проклятых фашистских оккупантов всех до единого» (письмо 3, 15.08.1943) [«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!», с. 19].

В письмах этого периода автор также наиболее пространно характеризует войну. Однако его характеристики малосодержательны, практически бездетальны, будучи основанными на общепринятой, клишированной военной риторике: «...Наша доблестная Раб[оче]-Кр[естьянская] Кр[асная] Армия день за днем ломает, перемалывает, громит и уничтожает фашистов, как тифозных вшей, чтобы их подлые трупы таскали хищные птицы и звери, а их черные кости заросли бурьяном и чертополохом» (письмо 3, 15.08.1943) [Там же, с. 17].

Риторика такого плана используется не только в характеристике войны в целом. «...Хорошо заправляла фрицев в блиндажах, дзотах и траншеях наша славная артиллерия разных калибров, замечательно месили фашистов вместе с землей, грязью и водой бомбы различной тяжести, посылаемые нашими краснозвездными соколами. Очень густо поливали дождем в виде свинца и замечательно чисто сбрасывали с лица земли бегавших в панике фрицев наши бесстрашные героини-истребители. Замечательно поджаривали фрицев наши, всеми нами уважаемые “КАТЮШИ”», — пишет Г. Момотов, имея в виду конкретный бой, который, однако, совсем не выглядит конкретным (письмо 3, 15.08.1943) [Там же]. Эту особенность нарративизации войны переписка Г. Момотова сохранит

до ее окончания, из раза в раз воспроизводя практически одно и то же (письмо 35, 31.01.1945) [«Здравствуйтесь, товарищ Габова, здравствуйтесь!», с. 76].

«Осваивая стилистические конвенции и риторические приемы официального дискурса о войне, авторы писем присваивали и примеривали этот дискурс на себя. Придавая официальной речи личностные акценты и особенности, они становились субъектами этого дискурса, децентрализуя производство власти и идеологии и формируя корпус текстов, который определял советскую норму не сверху, а снизу», — объясняют «штампованность» речи фронтовиков создатели уже упомянутой антологии военной корреспонденции XX в. [XX век: Письма войны, с. 18]. Однако применительно к Г. Момотову это верно лишь отчасти. Языковой портрет автора писем в данном случае был релевантен языковому портрету эпохи не только потому, что с поиском символических средств для оформления военного опыта он не испытывал проблем в силу своего довоенного социопрофессионального статуса. Шаблонность характеристик того или иного боя и войны в целом, очевидно, была напрямую связана со спецификой службы Г. Момотова — службы в контрразведке, — которая сама по себе не предполагала откровений. Не предполагала она, как представляется, и материально-бытовых лишений, которые испытывало большинство фронтовиков, в связи с чем уже первая, начальная часть переписки Г. Момотова с Т. Габовой (а за ней и все последующие) оказывается довольно скупа на сюжеты, посвященные военной повседневности.

Между тем, среди мотивов, стабильно повторяющихся при описании Г. Момотовым фронтовых будней, выделяется восприятие войны как работы. Традиционное для военной переписки в целом, оно проходит буквально через все письма, мало завися от развития личных отношений адресанта и адресата: «Санинструктор Королева Зина носит на своей груди медаль “За отвагу” и орден Красной Звезды, она была дважды ранена, но в одном из боев, будучи раненой, не прекращала своей работы и не ушла с поля боя, пока не оказала помощь всем раненым» (письмо 3, 15.08.1943); «В ответ на фашистские мины и снаряды начинают работу наши батареи, посылая множество мин и снарядов, чтобы заставить замолчать фашистские орудия» (письмо 9, 28.05.1944); «Только что пришел с работы в свою землянку...» (письмо 22, 12.10.1944); «За истекший 1944 год мы прошли часть Украины, Бессарабию, Румынию, Болгарию, Югославию и часть Венгрии. Да, работу провели большую. Путь прошли изрядный» (письмо 33, 10.01.1945); «...А потом как раз шли с работы саперы ...» (письмо 38, 03.03.1945); «Писать было совершенно некогда, потому что был занят работой по разгрому немецко-фашистских захватчиков на территории Австрии» (письмо 46, 17.04.1945) [«Здравствуйтесь, товарищ Габова, здравствуйтесь!», с. 18–19, 31, 55, 71, 82, 97].

Существенно, что свои письма Т. Габовой Г. Момотов также воспринимал как работу: «Я писал Вам, что всякая работа преследует цель, а это значит, и переписка тоже» (письмо 6, 23.03.1944) [Там же, с. 25]. Но это была не просто работа ради победы — в этом смысле письма Г. Момотова типичны. Для него

переписка с Т. Габовой буквально сразу стала работой ради будущего, будущей счастливой личной жизни. Начинается эта работа с выказывания явной симпатии, маркерами которой стали прежде всего иное — по имени — обращение к корреспондентке («Здравствуй, Тамара, здравствуй!», письмо 4, 29.09.1943), лукавая путаница между «Вы» и «ты» и ее нарочитое подчеркивание, настойчивые просьбы прислать фотографию («Твое письмо я читал несколько раз подряд, и каждый раз когда я читал вновь, мне все казалось, что <...> я нахожусь рядом с Вами, разговариваю и слышу Ваш голос. <...> Неплохо будет, если Вы вышлете мне свою фотокарточку. Жду. Извините меня за то, что я Вас назвал кое-где вместо “Вы” — “ты”, “Вас” — “тебя” и т. д.», письмо 4, 29.09.1943; «Вы пишете, что получаете от меня одно письмо в два месяца. Поверь, дорогая, что писать нет времени», письмо 6, 23.03.1944), а также нехитрые комплименты типа «от Вашего письма веет молодостью» (письмо 4, 29.09.1943), «ты молода, красива, имеешь хорошее образование» (письмо 12, 16.07.1944) и т. д. [«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!», с. 20–21, 25, 37 и др.]

Г. Момотов, как представляется, не знал, как иначе продемонстрировать Т. Габовой свое расположение и даже больше, чем расположение, тем более что продемонстрировать его надо было на расстоянии. Кроме того, сама война не располагала к церемониям, в связи с чем период симпатии в рецензируемой переписке довольно быстро уступил место периоду ухаживаний. Грань между ними трудно различима, но явно связана с письмом Г. Момотова Т. Габовой, написанным в марте 1944 г. с по-настоящему боевой (большевистской?) прямоотой: «С уходом в Армию я считал и надеялся, что по возвращении из Армии меня встретит дома моя дорогая подруга жизни. Это были мечты. Сейчас же меня, кроме мамы, которая, наверное, не дожидается меня, и сестры, встретить совершенно некому. Мириться с одиночеством после таких переживаний очень и очень тяжело. Чтобы ликвидировать это одиночество и иметь хотя бы предпосылки на будущее в семейной жизни, я и решил Вам написать, в расчете на получение или положительного, или отрицательного ответа...» (письмо 6, 23.03.1944) [Там же, с. 25].

Боевая прямота при этом, очевидно, вовсе не была следствием неопытности автора в делах сердечных. Она здесь — средство, инструмент борьбы с неопределенностью войны. Планируя свою жизнь после нее, Г. Момотов тем самым исключал перспективу своей возможной смерти, программировал безусловно благоприятный исход войны применительно к самому себе. Т. Габова же, находясь в относительно безопасном тылу, такой живой, настоятельной потребности не испытывала. Судя по тексту последующих писем, прямого ответа Г. Момотову Тамара Петровна так и не дала, после чего он понял, что обижаться на нее за это не стоит — за ней нужно ухаживать, тем самым подтверждая серьезность своих намерений: «Вы ошибаетесь в своем письме, выражаясь, что, возможно, я хотел пошутить. Я не из таких, чтобы шутить такими делами, да еще в такое время. Это было серьезно и обдуманно всесторонне» (письмо 7, 07.05.1944) [Там же, с. 29].

Ухаживать за девушкой в условиях войны, да еще и на расстоянии было, безусловно, не просто. Главным помощником в этом для Г. Момотова стал язык — язык надежды, внимания и заботы. Его соединение с языком войны, языком гнева и ненависти к врагу, только подчеркивало настойчивость автора: «Как бесстрашно и героически, смотря смерти в лицо и презирая смерть, мы, гвардейцы, подобно несокрушимой лавине преодолеваем все преграды и препятствия, уничтожаем и перемалываем живую силу и технику противника. Вот в такой обстановке бывают считанные минуты, когда хочется видеть перед собой знакомые строчки и читать, читать, не отрываясь о том, как наши воины трудового фронта работают и живут, живут и работают, помогая героической Красной Армии громить и уничтожать вшивых фашистских гадов и их приспешников. Но увы! Желание видеть и читать, читать и видеть знакомый почерк очень и очень редко удовлетворяется. Вот уже давно-давно не вижу Ваших строчек перед собой. <...> Не получая от тебя писем, я беспокоюсь, бросаюсь на догадки: где ты и что с тобой? Возможно, ты на что-то обиделась? <...> Ты не хочешь больше писать мне? Почему? Кто имел право порвать нашу связь? Жду прямого ответа. Понимаешь, Тамара, — жду» (письмо 9, 28.05.1944) [*«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!»*, с. 31–32].

Примечательно, что именно в письмах-ухаживаниях появляются и все громче звучат ранее не характерные для писем Г. Момотова «оды» природе и погоде, красота и теплота которых подчеркивали красоту и теплоту его чувств к Т. Габовой: «Природа, где я нахожусь, замечательная — кругом фруктовые сады: яблони, груша, вишни, орехи и т. д. Исключительно красиво цветут яблони <...> Должно быть очень много винограда. Погода очень теплая» (письмо 8, 24.05.1944); «Утро. Чуть видно, как из-за горизонта поднимается прекрасное майское солнце. Справа и слева отчетливо слышно, как радостно поют соловьи...» (письмо 9, 28.05.1944); «Уже давно-давно погода здесь стоит исключительно жаркая. Дождей почти не было. После одного знойного дня чуть повеяло приятной вечерней прохладой...» (письмо 13, 04.08.1944); и т. д., и т. п. [Там же, с. 30, 31, 39 и др.]

Картины мирной природы в сознании Г. Момотова были, вероятно, синонимичны картинам мирной счастливой жизни, надежда на которую окончательно пришла в его письма Т. Габовой с маем предпобедного 1944 года. При этом война с ее металлическим грохотом, ненавистью и беспощадностью уходила на второй план, хотя реальность войны оставалась реальностью. В описаниях войны, в их очевидной перемене не просто звучали победоносные настроения, — они звучали в ретроспективной подборке писем с самого начала — война Г. Момотовым багательтизировалась, «опустычивалась», оставаясь значимой лишь в том, что теперь так важно лично для него: «Только что в третий раз закончил читать твое письмо от 2 мая. Закончив читать, сразу же блеснула мысль в моем сознании о том, насколько приблизился срок нашей встречи в связи с тем, что наши союзники начали активно действовать, высадившись на французском побережье и начав развертывать долгожданный ВТОРОЙ ФРОНТ» (письмо 10, 08.06.1944) [Там же, с. 32].

«Я приду к тебе победителем», — пишет Г. Момотов Т. Габовой, казалось бы, в малопримечательном очередном письме (письмо 13, 04.08.1944) [«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!», с. 39]. Однако именно эти слова безусловно более показательны, чем ставшие в то же время постоянными недвусмысленные обращения «моя дорогая», «моя родненькая», «моя хорошая», «моя желанная» (письмо 12, 16.07.1944; письмо 13, 04.08.1944; письмо 15, 14.08.1944; и далее), чем прощальное «целую тебя крепко-крепко» (письмо 12, 16.08.1944; и далее), чем стихи, с которыми в письмах появляются, наконец, слова любви (письмо 14, 11.08.1944; письмо 22, 12.10.1944; письмо 34, 27.01.1945; и далее) [Там же, с. 36, 38, 41, 42, 56, 74].

«[Я] приду к тебе обязательно победителем», «я приеду к тебе победителем с фронта Отечественной войны», «Я обязательно вернусь домой победителем. Обязательно встречу тебя, моя золотая Томусенька...» (письмо 25, 25.10.1944; письмо 30, 30.12.1944; письмо 33, 10.01.1945), — повторяет Г. Момотов снова и снова как заклинание, что знаменует собой очередной поворот в его отношениях с Тamarой — поворот, за которым уже маячила их долгожданная встреча [Там же, с. 59, 67, 72]. Победа в войне при этом окончательно отождествляется Г. Момотовым с победой личной, победой в сражении, в борьбе за счастливую семейную жизнь: «Моя встреча с победой будет увенчана встречей с тобой, моя хорошая. Ах, если бы ты знала, как я хочу встретить и обнять тебя, моя хорошая <...> обниму тебя, расцелую крепко-крепко и, если не будешь возражать, больше никуда и никогда в жизни не отпущу тебя от себя» (письмо 21, 10.10.1944) [Там же, с. 52–53].

Понимал это автор или лишь интуитивно ощущал, но едва ли будет преувеличением сказать, что возникшие в ходе переписки с Т. Габовой отношения наделили его войну, его победу, его жизнь в целом настоящим смыслом, альтернативным тем смыслом, которые он вкладывал в войну, победу и свою жизнь, апеллируя к расхожим пропагандистским клише. Ему теперь было ради кого жить и ради кого умирать. Неумело переводя это ощущение в плоскость высказывания, Г. Момотов писал: «Я иду, аж из-за Воронежа, рядом с тобой, ломая и сокрушая на своем пути все преграды <...> В Славянске и в Ворошиловграде вместе с тобой [я] отбивал ожесточенные атаки врага. Вместе с тобой форсировал Дон, Сев[ерский] Донец, Буг, Днепр, Днестр, Дунай и множество других рек. Вместе с тобой по тернистому пути пришел в Болгарию <...> В знойные зимние морозы ты согревала меня. В слякоть и проливные дожди ты закрывала меня <...> Везде и всюду я ощущал твой теплоту, ласки и заботу. Да, это было так и будет так, пока бьется мое сердце...» (письмо 20, 01.10.1944) [Там же, с. 50–51].

Чувство обретения чего-то важного, настоящего закономерно вызывало у бравого капитана СМЕРШа другие, малознакомые ему чувства — чувство страха потери, утраты этого важного, настоящего, а также чувство неуверенности в себе: «Почему-то думаю, что на тебя окажет влияние интервал в возрасте, и ты уклонишься от встречи [со мной]. <...> Я совершенно не хочу не доверять тебе,

однако кое-когда думаю, что твои письма в мой адрес просто в порядке временного обмена мнениями, и ничуть не больше. <...> Читая твои письма, я пришел к выводу, что ты живешь не скучно, даже весело, не исключена возможность, что кое с кем встречаешься из молодых людей и, читая ему мои письма, вместе смеетесь над строчками моих писем...» (письмо 38, 03.03.1945) [«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!», с. 81].

Мотивы ревности, которые появились в письмах Г. Момотова в ожидании реальной встречи с Т. Габовой и кочевали едва ли не из письма в письмо, были, безусловно, симптоматичны (письмо 19, 17.09.1944; письмо 22, 12.10.1944; письмо 35, 31.01.1945; и далее) [Там же, с. 48, 56, 76]. Они сигнализировали о том, что переписка Георгия и Тамары на новом этапе их отношений постепенно дрейфовала в направлении традиционной семейно-брачной эпистографии [XX век: Письма войны, с. 635–640]. Помимо мотивов ревности, именно тогда в письмах появились общие, практически семейные праздники, например, получение Г. Момотовым награды или Т. Габовой — почетной грамоты (письмо 21, 10.10.1944; письмо 50, 29.05.1945), тема денег и дефицитов (письмо 17, 20.08.1944; и далее), подробные «отчеты» о здоровье (письмо 35, 31.01.1945; письмо 38, 03.03.1945; и далее), советы и просьбы, связанные с родственниками (письмо 17, 20.08.1944; и далее) [«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!», с. 43–44, 45, 53, 75, 82, 104 и др.]. В одном из писем Георгий даже просит Тамару навестить его мать и сестру: «В одном из писем ты писала, что летом поедешь в Чердынь. Если поедешь, то попрошу обязательно зайти на квартиру к моим. Узнаешь, как живут, и напишешь мне все откровенно» (письмо 40, 09.03.1945) [Там же, с. 86]. Превращаясь в письма близкому, родному человеку, послания Г. Момотова не просто создавали иллюзию его причастности к жизни Т. Габовой, они, по сути, делали его неотъемлемой частью этой жизни. Этому безусловно помогали победы Красной армии, сокращавшие личное расстояние между Георгием и Тамарой тем быстрее, чем динамичнее армия продвигалась на Запад.

«Читая твои письма, я все время чувствовал, что ты везде и всюду находишься рядом со мной. Были такие моменты, когда я чуть-чуть не кричал: “Тамара, смотри, смотри, как удирает проклятая немчура”. Были и такие случаи, когда я протягивал руки, чтобы быстро схватить тебя за руку и втащить в траншею или в случайное укрытие, — это было в период бомбежек и сильных артиллерийских обстрелов. Не знаю, чувствовала ты все это или нет, а я считаю, что мы с тобой двигались победным путем на Запад вместе, да ты и сейчас со мной», — написал Г. Момотов в своем последнем предпобедном письме Т. Габовой, казалось бы, лишний раз повторяясь (письмо 47, 29.04.1945) [Там же, с. 99]. Однако это повторное проговаривание уже высказанного ранее, скорее всего, было не случайным. Очевидно, к маю 1945 г. капитан СМЕРША уже понимал, что он увидит свою Тамару далеко не сразу после победы. Действительность это очень быстро подтвердила: «Многие и очень многие поедут домой рядовые и офицеры, а я демобилизации не подлежу никак» (письмо 54,

21.07.1945) [Там же, с. 108]. И далее: «Как хочется на Родину, на свой доблестный Урал, к тебе, моя роденькая. Но когда это будет, трудно сказать, а будет обязательно...» (письмо 55, 01.08.1945) [«Здравствуй, товарищ Габова, здравствуй!»], с. 109]. Планы, планы, планы и еще раз планы надолго стали основным содержанием переписки Г. Момотова и Т. Габовой, пока в октябре 1945 г. они, наконец, не встретились (письмо 60, 17.12.1945) [Там же, с. 118]. Уже не из писем, а из других документов Г. Момотова и Т. Габовой мы узнаем, что снова встретиться им удалось лишь весной 1946 г., когда Тамара приехала к Георгию в Румынию, а затем, в августе 1946 г., они вместе вернулись в Чердынь. Примечательно при этом, что уже тогда она воспринимала себя его женой, хотя де-юре стала ею только в 1947 г.

Дальнейшая судьба Г. Момотова и Т. Габовой была примером типично советской жизни — работа, дети и т. д. Они прожили вместе до 1966 г., пока Тамара Петровна не умерла. В 1980 г. за ней последовал и Георгий Николаевич. Эти детали дальнейшей послевоенной истории семьи Момотовых / Габовых могут показаться излишними. Однако вряд ли это так. Траектория жизни этих людей, равно как и траектория развития их военной переписки, одновременно и типична, и уникальна. Преодолев дистанцию от писем малознакомых людей до писем людей близких, родных, послания Георгия Момотова Тамаре Габовой, по большому счету, ничем не отличались от писем надежды, к которым в сюжетном плане относилась подавляющая часть личной переписки военного времени. Вместе с тем, письма Г. Момотова — это нечто большее, чем просто надежда; это были письма созидания — созидания новой жизни, новой реальности, наполненной новыми людьми и новыми обстоятельствами. Вытесняя на периферию мотив сомнения, именно мотив уверенного созидания звучал в них все громче и громче, выделяя их из общего массива писем войны, традиционно возвращавших своих адресантов и адресатов в прошлое, к довоенной мирной жизни. Письма Г. Момотова, рассматриваемые в таком ключе, — это не просто письма с фронта или письма войны, это письма, приближавшие Победу и связанное с ней будущее не в фигуральном смысле, а в смысле вполне реальном.

В любом случае, как бы мы ни аттестовали письма Г. Момотова Т. Габовой — как еще одни письма с фронта или письма Победы, как письма надежды или письма созидания, — следует подчеркнуть, что их публикацией архивисты Государственного архива Пермского края не просто поддержали модный тренд, связанный с изданием военной переписки. Поддержав этот тренд, они актуализировали, причем актуализировали во всех смыслах грамотно, еще один пример (стратегию?) индивидуального проживания войны — пример, который в сумме с другими схожими и несхожими примерами приближает исследователей Великой Отечественной войны к пониманию коллективного военного опыта, опыта целого поколения и целой эпохи.

Источники

Архивная коллекция документов ветеранов Великой Отечественной войны // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-1696. Оп. 1–6.

«Вернусь только с Победой...» Фронтовые письма 1941–1945 гг. / авт.-сост. Н. К. Петрова. М. : Вече, 2020.

Воробьев В. П. История одной любви: документальная повесть в письмах и других исторических документах : [к 75-летию битвы за Москву]. М. : ММТК-Строй, 2016.

Воробьев В. П. Ступино : фронтовые письма. М. : Перо, 2017.

Говорят погибшие герои: Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков. 1941–1945 гг. / предисл. А. Борщаговского. М. : Политиздат, 1975.

Дейчман Е. И. Сто писем с фронта, 1942–1944. М. : Российское гуманистическое о-во, 2010.

«Здравствуй, дорогая Панечка...»: Письма с фронта младшего сержанта В. М. Виноградова. Югорск : АльфаПринт, 2020.

«Здравствуйте, товарищ Габова, здравствуйте!» Письма Георгия Момотова с фронта (1943–1945) / Ю. А. Кашаева, вступ. ст. Пермь : Левин В. А., 2025.

«Письма любви»: фронтовые письма Александра Ильича Букирева / сост. и авт. вступ. ст. Н. Д. Аленчикова. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2005.

Письма с фронта : сб. / отв. ред. В. Ф. Лимонов. Тамбов : Тамбовская правда, 1943.

Письма с фронта : сборник писем В. П. Савина из собрания Саратовского областного музея краеведения / сост. В. И. Кац, Е. О. Трандафилов. Саратов : О-во друзей Саратовского музея краеведения, 2020.

Письма с фронта: (Уроженцы Татарии — участники Великой Отечественной войны с фашистской Германией) / сост. С. Кирсанов. Казань : Татгосиздат, 1943.

Письма фронтовые / сост.: З. П. Верховцева и др. Кемерово : Кн. изд-во, 1967.

Письма фронтовые: Письма уроженцев Мордовии — участников Великой Отечественной войны / сост. Н. В. Полин. Саранск : Мордовское кн. изд-во, 1975.

Селивёрстова А. Н. Фронтовые письма отца / под общ. ред. Л. Н. Токаря. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020.

Фронтовое письмо: письма жителей Иркутской области времен Великой Отечественной войны / ред.-сост. И. И. Терновая. Иркутск : Отгиск, 2010.

Фронтовые письма, 1941–1945: история одной семьи / сост.: В. Е. Радзинский, Е. Е. Радзинский. М. : Медиабюро Статус презенс, 2014.

Фронтовые письма. 1941–1945 гг.: документы / редкол.: В. П. Герфнер и др.; сост.: И. В. Котова (отв. сост.) и др. Волгоград : Крутон, 2013.

Фронтовые письма из калужских архивов / сост.: Л. Л. Авдеева, К. В. Герасимов, А. В. Прохоровский. Калуга : Фридрих, 2010.

Фронтовые письма Шуры Постольской / вступ. ст. А. Королевой. М. : Советская Россия, 1959.

Әдиһләренә фронт хатлары: фронтвик язучыларның хатлары һәм бүләкләү кәгазьләре жьентыгы / авт.-төзүчесе Ә. Шамова. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 2024.

Исследования

XX век: Письма войны : [Антология военной корреспонденции] / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. ст., ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подгот. документов. М. : Новое литературное обозрение, 2016.

Булыгина Т. А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная

в документах и исследованиях / редкол.: науч. ред. Т. А. Булыгина, сост.: В. В. Белоконь, Т. Н. Колшикова и др. Ставрополь : Изд-во Ставропольского госун-та, 2005. С. 530–540.

Воронина Т. Как читать письма с фронта? Личная корреспонденция и память о Второй мировой войне // Неприкосновенный запас. 2011. № 3(77). С. 159–175.

Жучков Б. И., Кондратьев В. А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. № 4. С. 55–69.

Иванов А. Ю. Анализ фронтовых писем периода Великой Отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 37–41.

Козлов В. П. Фронтовые письма 1941–1945 гг. как молитвы // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 24–47.

Момотова Н. В., Петров В. Н. Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны // Социология. 2005. № 2. С. 106–131.

Пушкарев Л. Н. Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 109–121.

Рождественская Е. Ю. Фронтовое письмо // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10, № 15. С. 78–90. <https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.5>

Соломатин П. С. Фронтовые письма и корреспонденции в газету «Правда», 1941–1945 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 243–255.

Старостин К. А. Письма фронтовиков как объект лингвистического исследования // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 165–177.

Сухотерина Т. П. Фронтовое письмо как жанр естественной письменной русской речи // Мир науки, культуры, образования. 2014(6). № 4. С. 249–251.

References

Bulygina, T. A. (2005). Pis'ma s fronta kak istochnik istorii povsednevnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Letters from the Front as Sources of History of Everyday Life during the Great Patriotic War]. In T. A. Bulygina (Ed.), *Stavropol'e: pravda voennykh let. Velikaia Otechestvennaia v dokumentakh i issledovaniiah* [Stavropol: The Truth of the War. The Great Patriotic War in the Documents and Studies] (pp. 530–540). Stavropol: Stavropol University Press.

Ivanov, A. (2008). Analiz frontovykh pisem perioda Velikoi Otechestvennoi voiny v svete innovatsionnykh istochnikovedcheskikh podkhodov [Analysis of Letters from World War II in the Light of Innovative Approaches]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 4, 37–41.

Kozlov, V. P. (2010). Frontovye pis'ma 1941–1945 gg. kak molitvy [Front Letters 1941–1945 as Prayers]. *Vestnik arhivista*, 2, 24–47.

Momotova, N. V., & Petrov, V. N. (2005). Tsennostnyi mir voennosluzhashchikh v pis'makh s frontov Velikoi Otechestvennoi voiny [The Value World of Military Personnel in Letters from the Fronts of the Great Patriotic War]. *Sotsiologiya*, 2, 106–131.

Oushakine, S., & Golubev, A. (Eds.). (2016). *XX vek: Pis'ma voiny: antologiya voennoi korrespondentsii* [20th Century: War Letters: Anthology of War Correspondence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Pushkarev, L. N. (2000). Chelovek na voine (istochniki po izucheniiu mentaliteta frontovikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945) [Man in the War (Sources for Studying the Front-line Soldiers' Mentality of the Years of the Great Patriotic War, 1941–1945)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 3, 109–121.

Rozhdestvenskaya, E. Yu. (2018). Frontovoe pis'mo [Front Letter]. *Interaktsiia. Inter'o'iu. Interpretatsiia*, 10(15), 78–90. <https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.5>

Solomatin, P. S. (1965). Frontovye pis'ma i korrespondentsii v gazetnu "Pravda", 1941–1945 gg. [Front Letters and Correspondence to the Newspaper *Pravda*, 1941–1945]. *Istoricheskie zapiski*, 75, 243–255.

Starostin, K. A. (2016). Pis'ma frontovikov kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia [The Letters of War Veterans as an Object of Linguistic Research]. *Ekologiya iazyka i kommunikationaia praktika*, 2, 165–177.

Sukhoterina, T. P. (2014). Frontovoe pis'mo kak zhanr estestvennoi pis'mennoi russkoi rechi [Front Letter as a Genre of the Natural Written Russian Language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 4, 249–251.

Voronina, T. (2011). Kak chitat' pis'ma s fronta? Lichnaia korrespondentsiia i pamiat' o Vtoroi mirovoi voine [How to Read Letters from the Front-line? Personal Correspondences in Current Presentations of Russia during World War II]. *Neprikosnovennyi zapas*, 3(77), 159–175.

Zhuchkov, B. I., & Kondrat'ev, V. A. (1961). Pis'ma sovetskikh liudei perioda Velikoi Otechestvennoi voiny kak istoricheskii istochnik [Soviet People's Letters during the Great Patriotic War as a Historical Source]. *Istoriia SSSR*, 4, 55–69.

Суржикова Наталья Викторовна

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Институт истории и археологии УрО РАН
620108, Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: snvplus@mail.ru

Surzhikova, Natalya Viktorovna

Dr. Hab. (History), Chief Researcher
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya St.,
620108 Ekaterinburg, Russia
Email: snvplus@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2308-8805>
Scopus AuthorID: 49964686900
WoS ResearcherID: Q-8162-2016